

ХАКУАШЕВА Мадина Андреевна

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник сектора кабардинской литературы
Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований
Нальчик, Россия

Madina A. HAKUASHEVA

Dr. Sci. (Literature of the People of the Russian Federation),
Leading Researcher, Department of the Kabardian Literature,
Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Studies,
Nalchik, Russia
dinaarma@mail.ru

Творчество Али Шогенцукова в контексте времени

Статья посвящена творчеству основоположника кабардинской литературы А. А. Шогенцукова, погибшего в годы Великой Отечественной войны. Оценивается вклад писателя в национальную культуру в целом.

Ключевые слова: национальная культура, социальная дезадаптация, адыгское (черкесское) просветительство, институт джегуако, фольклорная поэтика.

Creative Work of Ali Shogentsukov in the Context of Time

The article is devoted to the works of the founder of Kabardian literature Ali A. Shogentsukov, who has fallen in the Great Patriotic War. The contribution of the writer in the national culture as a whole is estimated.

Keywords: national culture, social exclusion, Circassian enlightenment, Institute dzheguako, folklore poetics.

Али Асхадович Шогенцуков – классик и основоположник кабардинской литературы, первый профессиональный поэт республики. Его творчество вбирает в себя многовековое развитие традиционной культуры, искания адыгского просвещения и сам процесс становления художественного сознания народа. Ученик первых просветителей, он в своем творчестве, личной судьбе воплотил высшие общечеловеческие идеалы. Сформировавшись на стыке многих культур, поэт дошел до восприятия универсальной духовной модели мира, а потому с полным правом принадлежит мировой культуре.

А. Шогенцуков, ровесник XX столетия, стал свидетелем великих и трагических катаклизмов, социальных потрясений, которые явились началом коренной ломки всей государственной машины России. Кровавое воскресенье, Февральская и Октябрьская револю-

ции 1917 года, Первая мировая, Гражданская войны, раскулачивание, Русско-японская война, коллективизация, сталинские репрессии, Великая Отечественная война – вот далеко неполный перечень драматических глобальных событий, свидетелем и участником которых стал поэт. Это был период политической, социальной и культурной дезадаптации Кабарды после окончания Русско-кавказской войны. Кабардинский поэт оказался под прессингом драматических событий переходного периода в культуре. Традиционный изолированный тип адыгской культуры испытал паралич. Фольклорные традиции оказались на грани полного исчезновения. Адыги пребывали в культурном «вакууме». Такая ситуация была вызвана целым рядом причин, в первую очередь резким сокращением адыгского народонаселения, возникновением черкесской диаспоры сначала на территории Турции, а за-

Али Асхадович Шогенцуков (1900-1941), советский кабардинский поэт, писатель, основоположник кабардинской литературы

тем во всех странах Ближнего Востока, Азии, Африки, Европы и Америки. Одновременно с отмиранием былой культуры не было создано другой, не сформировался фундамент новой адыгской литературы, эстетически значимого литературного кабардинского языка. Вместе с тем в молодую социалистическую республику хлынул поток русской и иностранной литературы, мощное влияние которой трудно переоценить. Эти невероятные трудности адаптации к совершенно новой, еще не сложившейся действительности пришлось на период формирования первой адыгской интеллигенции. Именно ей предстояло осмыслить противоречивую, новую реальность на всех уровнях, – от бытового до философского.

Само время требовало коренных духовных преобразований. Это означало строительство принципиально новой культуры: «интернациональной по форме, социалистической по содержанию». Если такая задача была трудно-выполнимой для письменных культур, в первую очередь русской, то аналогичные задачи, вставшие перед представителями беспись-

менных культур, были поистине революционными, подчас невыполнимыми. Адыгам предстояло создать новую пролетарскую культуру, суть которой для них по существу была неясна, ибо класса пролетариев среди адыгов не сформировалось в силу объективных исторических причин.

Вместе с тем «значительная часть населения, в том числе наиболее прогрессивные представители, поверили в истинность гуманистических лозунгов революции. Идеи построения государства на основе всеобщего равенства и подлинной справедливости во все времена подкреплялись открытием школ, изданием газет и книг на родном языке, другими позитивными мерами в области культуры, принятием конституции, введением института выборных органов, предоставлением некогда колонизированным народам страны формальных атрибутов государственности, экономическими реформами, которые существенно влияли на рост уровня многих граждан» [1, с. 114].

Перед пионерами советского адыгского просвещения и культуры встала многогранная проблема: трансформировать традиционный национальный фольклор и молодую национальную литературу, поставив их на путь интернационального социалистического развития. Эта великая миссия выпала на долю А. Шогенцукова. Благодаря превосходному знанию родного языка, адыгского фольклора, овладению которым во многом способствовал его дед, и, главное, своему таланту, поэт смог адаптировать народный язык, превратив его в литературный, функциональный. В условиях фактического отсутствия литературных и литературно-лингвистических традиций, общего культурного дисбаланса, жесткой идеологической и партийной цензуры, он не мог избежать известных сбоев в своем беспрецедентно-смелом творческом эксперименте. В некоторых стихах о социализме, например, превосходное высокохудожественное описание пейзажа соседствует с ординарными сценами колхозной жизни.

Повинуясь в большей степени безошибочной художественной интуиции художника-самородка, Шогенцуков был одинок в своих напряженных творческих поисках, создавая новый поэтический язык, новые литератур-

ные формы. Отдельные литературные связи (дружба с Ю. Либединым, Дж. Налоевым) не возмещали отсутствия сформированной литературной школы, даже сколько-нибудь значимого литературного окружения, которые бы могли серьезно повлиять на формирование авторской эстетической концепции и индивидуального художественного стиля.

Большинство дошедших до нас стихотворений А. А. Шогенцукова посвящено новой социалистической действительности, в которой утверждаются коммунистические принципы. Если абстрактные принципы дружбы, равенства, братства воспринимались большинством общественности республики с воодушевлением, то конкретные социалистические формы жизни – преимущественно негативно. К примеру, сесть за руль трактора молодой женщине-кабардинке по традиционным понятиям означало разрушение стереотипа исторически сложившегося морального облика горянки, грубое нарушение жестко табуированного поведения, которое регламентировалось институтом хабзэ (адыгский (черкесский) этикет — М. Х.) до деталей. Для осуществления простого физического действия (сесть за руль колхозной машины) гипотетически потребовалась бы постепенная трансформация традиционного национального сознания, по крайней мере, длиной в век. В условиях стремительного образования колхозов, совхозов, обобществления производства требовалась уже не постепенная перестройка, а ломка сознания с последующим насильственным насаждением новых непривычных форм жизни.

Первыми помощниками, «рупорами» партийных социалистических идей должны были явиться поэты и прозаики, художники и артисты, то есть представители новой социалистической культуры. Так сформировалось и стало остроактуальным негласное понятие «соцзаказа». Особенно это касалось первых ведущих деятелей литературы и искусства, так как их творчество становилось точкой отсчета в шкале новых духовных ценностей; на них ориентировались и равнялись другие. Отсюда возникло гигантское направление пролеткульта, семантика которого в названии была, похоже, неслучайно амбивалентна (с одной стороны, – пролетарская культура, с дру-

гой, – культ пролетариата). Утверждение простых незатейливых форм социалистического быта, психологии, идеологии, философии стало магистральной линией новой социалистической культуры. Не следовать или не вполне следовать им означало предать основы марксистско-ленинской идеологии.

Это был неписанный кодекс, игнорирование которого означало конец любой писательской карьеры. Такое негласное предписание было, тем не менее, хорошо усвоено на всех уровнях массового сознания. Отсюда – явное, преувеличенное утрирование всего, что имело прямое или косвенное отношение к социалистическому образу жизни, социалистической морали и идеологии.

Вместе с тем повышенная публицистичность и политизация создаваемой литературы удовлетворяла массовым запросам огромного отряда энтузиастов, ангажированного коммунистическими лозунгами.

Другим фактором, объясняющим феномен социалистического культурного (в том числе литературного) ажиотажа, в частности в Кабарде, был фактор сугубо адыгский, который отмечал А. Гуттов: «Чтобы более основательно разобраться в тонкостях взаимоотношений художественно одаренной личности с властями, следует обратить внимание на некоторые особенности адыгской традиционной культуры, в частности, на статус ее профессиональных носителей, именуемых джегуако. Типологически они родственны скоморохам древней Руси, шпильманам, жонглерам, скальдам средневековой Европы. Институт джегуако, которые, согласно свидетельствам многих авторов и информации современных сказителей, пользовались привилегированным правом безбоязненно высказывать свои мысли в любом обществе, просуществовал вплоть до XX в. От него определенная вольность людей искусства с их активным участием во всех сферах общественной жизни, включая и политику, передалась первым поэтам новой для адыгов письменной культуры. Поэтому воспевание идеалов времени революции и открытая ориентация на публицистический лад, характерные для литераторов 20–30-х годов, имеют свои глубокие традиции и не могут быть объяснены только конформистскими соображениями. Вряд ли сами эти литераторы

подозревали, что, перенимая в совокупности социальную активность вместе с былой смелостью суждений, они обрекают себя на альтернативу: или сделать свой талант неким идеологическим придатком новой социально-политической системы, или обречь себя на верную гибель, поскольку большевистская власть не признавала никаких вольностей, однозначно расценивая их как контрреволюционную агитацию. Критерием оценки для нее был не художественный дар, а степень лояльности к ней самой» [1, с. 114–115].

В настоящее время изучение советской эпохи через призму художественного текста, написанного рукой талантливого мастера, – одна из возможностей «вскрыть» ее изнутри. Глубокое, противоречивое проникновение в саму стихию народной жизни – особый художественный дар А. Шогенцукова. Через национальное художественное осмысление действительности он непроизвольно выходит к универсальным духовным ценностям.

Для кабардинской литературы процесс ее национального становления происходил в усвоении русского литературного художественного опыта, а также восточной (тюрко-язычной и арабоязычной) художественной традиции. С точки зрения национального развития, кабардинская литература на начальных этапах складывается в процесс преодоления фольклорной поэтики. Но настоящий процесс формирования национальной литературы значительно многограннее и глубже. Существовало несколько путей формирования письменной национальной литературы в 1920-е годы с различными типами фольклорной ориентации, с неодинаковыми типами взаимодействия с русской культурой при равноуровневом освоении восточной (арабоязычной) культуры. Можно выделить три основных уровня формирующейся литературы: а) от фольклора к литературе, то есть так называемый спонтанный путь развития национальной словесности. Два других уровня следует рассматривать в рамках взаимодействия с развитыми литературами: б) кабардинские просветители русской ориентации; в) восточный культурный канал.

Первый путь формирования национальной поэзии, развивающий фольклорные традиции, представлен Б. Пачевым и Т. Бору-

каевым, творчество которых тесно связано с мифопоэтической поэтикой.

Б. Пачев продолжил сатирическую и игровую традиции джегуако и трансформировал их в литературные формы. Это определяет своеобразие его творчества, выраженного в цикле стихов «Верные слова» как идеального воплощения кабардинского национального характера.

Т. Борукаев – представитель письменной литературы, потому и воспринимает он не только фольклор, эпикомифологическое сознание, но и литературные традиции восточно-ориентированных просветителей. Его творчество как бы замыкает кабардинское просветительство по одной из линий его развития, оно развивается в рамках фольклорно-романтического художественного сознания. С другой стороны, им тоже были усвоены и использованы традиции устного народного творчества, в частности джегуако.

Однако для органичного синтеза различных традиций требовалась крупная творческая индивидуальность. Этот процесс синтеза был обозначен и реализован в творчестве А. Шогенцукова. Яркая творческая личность и трагическая судьба Шогенцукова становились предметом исследования, но каждая эпоха прочитывает поэта по-своему.

Особое место А. Шогенцукова в развитии кабардинской литературы определяется, с одной стороны, ориентированием его поэзии на глубинные национальные традиции, а с другой – воздействием идей русской революции.

Поиски путей соединения великого и трагического, потрясений настоящего с надеждами на будущее осложнялись тем, что поэт осознавал сложность задач, стоящих перед культурой. Ему нелегко было принять идеи русской революции с их остротой социального разделения общества, осознанностью классовой структуры государства в их отнюдь не простой диалектике, с воинствующим атеизмом, то есть всем тем, что противоречит национальному просветительству адыгов. Поэт не сразу приходит к выводу, что спасение гибнущей самобытной культуры лежит в ориентации на русскую культуру. В эпоху, резко отличавшуюся от революционного времени, он сделал свой выбор в творчестве: от тонкой и хрупкой лирической поэзии с глубоким соци-

ально-философским подтекстом, характерной для его ранних стихов, он переходит к эпике.

Переход к оптимистическому восприятию противоречий действительности для кабардинского поэта, как и его современников, поэтов нового мира, сопровождается зачастую драматическими последствиями. Уже в 1920-е гг. заметно влияние на его творчество революционного пафоса и социального оптимизма русских и советских классиков.

Любовь к А. С. Пушкину у А. Шогенцукова зародилась еще в годы учебы в Крыму, где ему представилась возможность ближе познакомиться с русской литературой. На ее основе молодой поэт уверенно вводит в кабардинскую литературу силлабо-тоническое стихосложение, пользуется размерами классической русской литературы. Уже на ранних этапах своего творчества Шогенцуков испытывал большое влияние другого классика русской литературы – М. Ю. Лермонтова. В творчестве обоих поэтов можно найти много общего: и в обрисовке женских образов, и в реалистическом отображении жизни горцев, их нравов, описании природы Кавказа, и в показе роли народного певца.

В период учебы в «Цаговском университете» юный поэт познакомился с творчеством Н.А. Некрасова. Продолжая традиции русского поэта, Шогенцуков видит не только мрачные, теневые стороны жизни своих героинь, он утверждает, что «грязь обстановки убогой» не липнет к ним, что нищета, убожество жизни не портят их душевной красоты и величия характеров. Творчество Некрасова сыграло большую роль в понимании А. Шогенцуковым значения устного поэтического творчества.

В одном из своих стихотворений А. Шогенцуков, вспоминая гневный протест великого украинского поэта Тараса Шевченко против кровопролитной Кавказской войны, с глубоким чувством писал:

*Песни твои, – словно степь в ковыле,
Нет ни конца им, ни края,
Тех, кто на горе родимой земле,
Ты бичевал, презирая.
Проклял бы их, кто сгубил храбрецов
Славных нагорий кавказских,
Мне ли, наследнику чести отцов,
Слов не заслушаться братских.*

В творчестве обоих поэтов можно найти много сходных мотивов и тем. Это наблюдается не только в эпических произведениях, но и в лирике поэта.

Поэма А. Шогенцукова «Мадина» очень близка к поэме Т. Шевченко «Марьяна-черница». За некоторыми исключениями сюжетное развитие обеих поэм одинаково – богатство губит счастье двух влюбленных. Очень много общего в поэмах «Камбот и Ляца» и «Гайдамаки». Но в отображении поэтами явлений действительности можно найти и разницу, обусловленную социально-историческими факторами. Если «элегический, тон его (Шогенцукова) творений о незадачливой судьбе его героев постоянно заглушается мощным аккордом радости за счастливое настоящее и прекрасное будущее освободительного народа», то «грустные, подчас глубоко трагические ноты проходят через все его (Шевченко) произведения» [3, с. 174].

Художественное творчество А. Шогенцукова формировалось и под влиянием М. Горького. В освоении традиции Горького большую роль сыграл перевод поэтом произведений русского писателя. Так, в 1940 г. Шогенцуков перевел лирико-романтические произведения «Песня о Буревестнике», «Песня о Соколе». Переводы, выполненные Шогенцуковым с подлинным талантом, печатаются ныне во всех учебниках, являясь образцами переводной кабардинской литературы.

В образах Камбота, Хасанша и других персонажах легко обнаружить многие черты романтических героев Горького, несмотря на то, что их борьба относится к разным этапам освободительной борьбы народов. Влияние Горького на творчество Шогенцукова не ограничивается идейным воздействием. Оно проявляется и в требовательном отношении к языку, в использовании им многих художественных приемов русского писателя. Обрисовка образа, раскрытие его постепенного роста у Шогенцукова, связано с творческим изучением М. Горького, так как в кабардинском поэтическом творчестве этот прием не получил широкого распространения.

Знакомство А. Шогенцукова с поэзией Маяковского началось в начале 1930-х гг. Это подтверждается тем обстоятельством, что еще в 1931 г., когда в Кабарде еще не было ни

журналов, ни писательской организации, кабардинский поэт переводит стихотворение Маяковского «Возьмем винтовки новые» и включает его в издаваемый им учебник для кабардинских школ.

Продолжая традиции талантливого современного поэта, Шогенцуков главное свое внимание уделяет поэтизации социальной действительности, созданию образов людей труда («Лина-трактористка», «Сатаней», «Красавица-Сатаней», «Самоотверженная девушка»). В сатирических стихах «Завтра Каирбека», «Пистолет», «Уйди!» Шогенцуков преломляет к национальному языку и поэтике традиции Маяковского. Их творческое использование наиболее всего заметно в последней лироэпической поэме «Пусть мое слово дойдет до Вас». Близость поэмы Шогенцукова к классическим произведениям Маяковского заключается не только в полноте охвата истории событий, но и в самом построении поэмы, в ее лиризме и пафосе, ритмико-интонационной организации. Поэма «Пусть мое слово дойдет до Вас» посвящена 20-й годовщине образования Кабардинской республики. В ней автор прослеживает путь своего народа от феодализма к социализму. Но этот огромный разнообразный исторический материал Шогенцуков сумел обобщить, организовать в монолитное единое целое, подчинить его общему идейному замыслу.

Кроме значительного влияния русской классической литературы, в творчество Шогенцукова органически входит национальный фольклор. Однако поэт пользуется не всеми средствами фольклора: критически подходя к произведениям устного творчества народа, он выбирает лишь такие изобразительные приемы, которые наиболее глубоко раскрыли бы новое социальное содержание. При этом каждое заимствование оправданно, оно всякий раз способствует более глубокому и реалистическому раскрытию идеи произведения. Народных героев джегуако всегда наделял прекрасными чертами. Так, например, для народа Сосруко – символ света, солнца. Подобными же чертами народ наделяет и другие положительные образы эпоса. Но в народном эпосе дифференциация образов по социально-классовому признаку выражена недостаточно ярко и отчетливо. В этом смысле Шогенцуков

делает шаг вперед. В произведениях кабардинского поэта борцы и защитники народа являются носителями духовных и нравственных качеств, а представители господствующего класса всегда последовательно отрицательные типы.

Большое влияние на кабардинского поэта оказали в первую очередь основные мотивы нартского эпоса: поиски всенародного счастья, борьба в интересах народа. Эти проблемы занимают большое место в творчестве Шогенцукова. Тесная связь творчества поэта с традициями нартского эпоса наиболее ярко выражена в поэме «Камбот и Ляца», основные образы которой, их характеристика, черты и качества прямо перекликаются со многими образами нартских сказаний. Наряду с этим народный эпос являлся для поэта благотворным источником художественных средств и приемов.

А. Шогенцуков заимствовал богатую фольклорную традицию, яркие фольклорные персонажи, в частности такие, как широко популярный среди адыгов величественный героический эпос Андемиркан, проникнутый острым социальным протестом, такие песни, как «Дамалей – Широкие плечи», «Песня крепостных», проникновенные, полные трагизма любовные песни об Адиюх, Гошагаг, Таукан и многие другие.

Кабардинская сказка явилась той фундаментальной основой, которая дала импульс развитию детского художественного сознания будущего поэта, формируя адыгский архетипический способ мышления. Отражая жизнь, труд, быт, социальные отношения, она давала глубинное представление об особенностях национальной жизни.

Конец XIX и начало XX в. в истории кабардинского народа ознаменовались появлением даровитого народного певца Бекмурзы Пачева, сыгравшего исключительно важную роль в развитии кабардинской поэзии. Прекрасный знаток родного фольклора, Б. Пачев соединил в себе оба начала кабардинской литературы – письменной речи и устного слова, проложив мост, соединяющий письменную литературу и фольклор. На формирование Шогенцукова повлияло творчество Б. Пачева. А. Шогенцуков дешифровал созданный народным поэтом алфавит и прочел его рукописи. Б. Пачеву посвящено стихотворение «У твоей могилы».

Поэт продолжил художественные начинания и других прогрессивных деятелей кабардинского народа, таких как Талиб Кашежев, Мажид Фанзиев, Паго Тамбиев, Нури Цагов и др. Независимо друг от друга каждый из них создал свой собственный алфавит, но это так и не дало желаемых результатов. С начала своей поэтической деятельности А. Шогенцуков произвел коренные изменения в кабардинском народном стихосложении. Тонический народный стих поэт перевел в силлабо-тоническую систему стихосложения, что позволило пользоваться размерами русской классической поэзии, обогатило ритмическое и интонационное звучание кабардинского стиха. Творчество выдающегося поэта явилось по сути настоящим революционным преобразованием в развитии художественного слова, новым этапом в истории кабардинской литературы.

Переходный этап, становление социалистических основ жизни приобретали небывалые, непривычные формы для традиционного, патриархального уклада кабардинцев: начальный этап урбанизации, становление города, формирование первых национальных культурных центров и городской творческой интеллигенции – вот лишь малый перечень в кругу острых противоречивых преобразований 30-х гг. Так, впервые был создан национальный театр, формирование которого проходило в сложных условиях: отсутствие опыта, традиционная устойчивая адыгская мораль, которая ассоциировала театральную роль с «низким» амплуа ажигафа (роль шута, скомороха в традиционной культуре адыгов — М. Х.), общее недоверчивое отношение к театральным жанрам, особенно с женским участием. Однако в республике сложилась талантливая молодая группа артистов первого национального театра, и Шогенцуков был приглашен в качестве литературного консультанта. Для только что созданного ансамбля песни и пляски он написал множество песен на музыку композитора А. М. Аврамова. Такие стихи, как «Накулен», «Колыбельная», «Хамид», «Лина-трактористка», «Стахановцы» и др. были переложены на музыку и стали народными песнями. Шогенцуков перевел на кабардинский язык значительное число советских песен, в частно-

сти, песни на стихи Алимова, Исаковского, несколько десятков русских народных песен. Большое значение поэт придавал развитию оперного искусства, обратившись к замечательным русским традициям: начал переводы текстов из оперы Рубинштейна «Демон», «Ходим мы к Арагве светлой», из оперы Мусоргского «Хованщина» – «Поздно вечером сидела».

В 1940 г. А. М. Авраамов и А. А. Шогенцуков начали работу над созданием первой национальной оперы. Либретто было подготовлено поэтом, в его основу легла драма «Кызбурун». В архиве поэта сохранилось девять арий. До нас дошла только одна песня для хора «Песня рабов», в которой была использована адыгская народная песня.

А. А. Шогенцуков отводил театру особое место в развитии национальной культуры, принимая в его работе самое активное, непосредственное участие. Обладая тонкой, безошибочной художественной интуицией, прослушивал первые постановки, присутствовал на репетициях, помогал молодым режиссерам и актерам. Прекрасный знаток кабардинского языка и фольклора, он тесно сотрудничал с мелодистами и музыкантами в обработке народных песен и наигрышей; с хореографами и артистами ансамбля песни и пляски – в первых сценических постановках национальных танцев. Зимой 1934 г. ансамбль песни и пляски выезжал в Москву. Кабардинским ансамблем заинтересовался М. Горький, принимавший артистов у себя на даче. При самом активном, деятельном участии Шогенцукова происходило формирование художественных традиций и мастерства молодого национального театра. В дальнейшем произведения самого поэта получили театральное воплощение. В 1950 г., на сцене кабардинского национального театра А. Шортановым был поставлен по мотивам его романа спектакль «Камбот и Ляца». В 1961 г. постановлением Совета Министров республики Кабардино-Балкарскому театру было присвоено имя А. А. Шогенцукова. Это событие было отмечено постановкой спектакля по его поэме «Мадина».

Вершиной пейзажной лирики поэта стало одно из поздних его стихотворений, написанное в 1940 г., за год до гибели. При всей

своей яркой оптимистической тональности, оно полно предчувствием близкого конца и является своеобразным подведением итогов собственной жизни. Река ассоциируется со стихией нетленной жизни, вечной молодостью. Поэт противопоставляет ей конечность человеческой жизни, своё нежелание оставлять цветущую землю:

*Мне в час неизбежный
Здесь место найдите,
В долине прибрежной
Меня схороните.*

Перевод стихотворения, опубликованный под названием «Завещание», представляет своего рода контаминацию кабардинского оригинала в соответствии с одним из вариантов стихотворения. В окончательный вариант не введена последняя, глубоко исповедальная строфа, которая отражает желание поэта быть похороненным на берегу родной реки. Собственно, эта строфа, введенная в русский перевод, и дала основание переводчику для изменения названия стихотворения «Завещание». Но даже без этой строфы оригинал представляет собой действительно поэтическое завещание Али Шогенцукова, внутренне близкое «Памятнику» Пушкина, «Заповиту» Шевченко и «Выхожу один я на дорогу...» Лермонтова.

Поэт просит похоронить его у реки Нальчик, само неустанное движение которой представляется ему направленным потоком времени, потоком истории и человеческого бытия. Так, в самом стихотворении соединяется глубоко личностное, лирическое начало, мотив жизни и смерти поэта с эпическим началом – бессмертием народа, осваивающего новые цивилизованные и культурно-исторические основы.

При ретроспективном анализе с позиции современности стихотворение «Вестник» впечатляет трагической силой поэтической и личной интуиции: Шогенцуков, кажется, уже за два года до своей трагической гибели ее безошибочно предвидел. Ощущение неизбежности трагической судьбы приходит в противоречие со страстной любовью к жизни. Смерть представлена в образе арканщика, с которым поэт обращается на равных, предлагая нежеланному «гостю» отсрочить конец:

*Впрямь ли, вестник, ты за мною?
Не ошибся ли ты дверью?..
В бытие влюблен земное,
Я в загробное не верю.*

Образ «Вестника» традиционен («Судьба стучится в дверь», незнакомец в черном, заказавший Моцарту «Реквием», и т. д.). «Вестник» опознается по своим предварительным печатям, которые он «поставил» на поэте. Например, седина на висках:

*На висках снежинок россыпь –
Не предвестье ль той, незримой,
Чья всегда беззвучна поступь,
Хватка так необорима.*

Страсть к жизни и бесстрашие, с которыми поэт обращается к вестнику смерти, чем-то напоминает диалог девушки со смертью из поэтической баллады М. Горького «Девушка и смерть».

*Дай пожить мне! Напоследок
Должен я еще за нашу
Долгожданную победу
Осушить с друзьями чашу.
Так отсрочь, арканщик, ловлю.
Не захлестывай, петлю!
И трудами и любовью
Слишком связан я с землею.*

Повышенная социальная активность и живая реакция на любые социалистические преобразования со стороны поэта Шогенцукова были в большей степени данью традициям джегуако, адыгских (черкесских) народных поэтов.

В традиции народных сказителей, в частности, входило умение воодушевлять воинов перед решающим сражением. Джегуако появлялся перед ними на сером коне, от его красноречия порой зависел исход сражения. Те же традиции наследует Шогенцуков. Стихотворение «Роза Пиренеев» было написано в 1936 г., то есть сразу же после вторжения фашистских оккупантов в Испанию. Другое знаменитое стихотворение «Призыв» появилось вскоре после начала Великой Отечественной войны:

*От грома пушек вздрагивают скалы,
И долу клонятся верхушки роц...
Кавказцы! И для нас пора настала
Явить свое могущество и мощь!*

*Все – на коней! Взлетайте, братья, в седла
И устремляйтесь всем ветрам в обгон,*

*Чтоб заметался кровопийца подлый,
Поправший человечества закон.*

С первых же дней войны поэт работает с необыкновенным напряжением. Он печатает свои стихи, читает их уезжающим на фронт воинам, выступает на митингах и собраниях. Вспоминая о деятельности Шогенцукова в первые тревожные дни войны, один из друзей поэта пишет: «И еще помню Али Асхадовича в роли агитатора, беседчика. Это было в начале Великой отечественной войны. Поэт Шогенцуков, депутат Нальчикского городского Совета, приходил в наш район (ОДС) беседовать с нашими жителями... Старики, женщины, подростки собирались к вечеру на обширном зеленом дворе. Али Асхадович рассказывал о положении на фронте, о патриотических подвигах советских людей, призывал к мужеству и организованности. Речь его была проста и выразительна, каждое слово доходило до сердца» [2, с. 46].

В этот труднейший период Шогенцуков предвидел, что Советская армия уничтожит фашизм. Могущество страны поэт связывал со «вторым солнцем мира» – Москвой, которая для него являлась «родником тепла и света». В поэме «Моя родина» он указывал, что в Москве начало дороги свободы и победы:

*Славьтесь, весенние воды,
В светлом своем торжестве!
Славьтесь, дороги свободы —
Ваше начало — в Москве!*

(перевод С. Липкина).

Обстоятельства поспешной мобилизации поэта в ряды Красной Армии в начале Отечественной войны до конца не выяснены. Заслуживает особого внимания тот факт, что Шогенцуков, занимая видное общественное положение в республике, будучи председателем Союза писателей, не получил бронь. Вскоре ему вручили повестку, писатель был зачислен в строительный батальон, и 15 сентября 1941 г. отправился на фронт. В своих последних письмах домой он писал, что «несмотря

на временные успехи немцев, победа будет за нами» (Последние письма поэта хранятся в Кабардино-Балкарском государственном музее). Железнодорожный состав, в котором следовал поэт на фронт, под Полтавой попал в окружение. Поэт в числе других оказался в плену и впоследствии был заключен в Бобруйский концентрационный лагерь. Со слов соотечественников-кабардинцев, которые оказались вместе с Шогенцуковым в одном лагере и чудом остались живы, нацисты узнали о его общественном значении, а также о том, что он владел несколькими иностранными языками, и пытались склонить его к сотрудничеству. Поэта несколько раз вызывали к начальнику лагеря, и каждый раз жестоко избивали, так как он отказывался от сотрудничества с немцами. В ответ на истязания Али Асхадович агитировал всех окружающих военнопленных не поддаваться фашистской агитации и насилию, но во что бы то ни стало сохранять свое лицо, свободный дух и достоинство. Однажды он пришел в ярость, увидев, что его соотечественник чистит сапоги одного из немецких офицеров, и публично оскорбил его, зная, какие последствия будет иметь его поступок. Очевидцы вспоминали, что он отказывался принимать лагерную пищу и умер от голода. По свидетельствам других, Шогенцуков погиб после очередного допроса в ноябре 1941 г. и был захоронен в окрестном лесу неподалеку от лагеря.

Администрация и руководство города Нальчика высоко оценило героическое поведение кабардинского поэта, факт его безвременной трагической гибели. Его именем названа городская библиотека, в которой сосредоточены его книги, материалы, документы, касающиеся жизни и творчества, произведения авторов, писавших об Али Асхадовиче. Бобруйск и Нальчик являются городами-побратимами, белорусский город так же трепетно и преданно сохраняет память о нем, как и родная Кабардино-Балкария.

Использованная литература:

1. Гутов А. М. Некоторые вопросы шогенцуковедения // Вестник института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. 2001. Вып. 8. С. 110-123.
2. Крылова А. Большой поэт, родной человек : памяти Али Шогенцукова // Кабарда. 1950. № 3. С. 45-47.

References:

1. Gutov, A. M., *Nekotorye voprosy shogentsukovedeniya* (Some Questions of the Shogentsukov Studies), *Vestnik instituta gumanitarnykh issledovaniy Pravitel'stva Kabardino-Balkarskoy Respubliki i Kabardino-Balkarskogo Nauchnogo Tsentra Rossiyskoy Akademii Nauk*,

3. Мальцев М. Художественный образ в поэмах Али Шогенцукова // Кабарда. 1954. № 5. С. 172-194.

2001, no. 8, pp. 110-123.

2. Krylova, A., Bol'shoi poet, rodnoy chelovek: pamyati Ali Shogentsukova (Great Poet, Native Person: in the Memory of Ali Shogentsukov), *Kabarda*, 1950, no. 3, pp. 45-47.

3. Mal'tsev, M., Khudozhestvennyy obraz v poemakh Ali Shogentsukova (Artistic Image in the Poems by Ali Shogentsukov), *Kabarda*, 1954, no. 5, pp. 172-194.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Хакуашева, М. А., Творчество Али Шогенцукова в контексте времени [Электронный ресурс] / М. А. Хакуашева // Наследие веков. – 2016. – № 2. – С. 27-36. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/07/2016_2_Hakuasheva.pdf. (дата обращения дд.мм.гг)

Full bibliographic reference to the article:

Hakuasheva, M. A., Tvorchestvo Ali Shogentsukova v kontekste vremeni (Creative Work of Ali Shogentsukov in the Context of Time), *Nasledie Vekov*, 2016, no. 2, pp. 27-36. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/07/2016_2_Hakuasheva.pdf. Accessed Month DD, YYYY.